

Лубин А. Ф.,
доктор юридических наук, профессор
кафедры криминалистики Нижегородской
академии МВД России

«Грехи» криминалистики: тайна происхождения

Lubin A.F.,
Doctor of Law, Professor
Nizhegorodsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

“Sins” of criminalistics: secret of origin

In the article opens Reason professor A.S Aleksandrov by virtue of which exposes to severe criticism of work of criminal lawyers and suggests changing an object and maintenance of criminalistics science. Such reason is adherence of A.S Aleksandrov the English model of criminal procedure.

Давняя привычка – относиться к критике равнодушно. Если не сказать жестче. Но здесь – случай особый: «знатым криминалистам» вменили все «смертные грехи»¹. Обвиняемые, вооружившись интеллектуальными пинцетами, на «полном серьезе» начали выковыривать тараканов из интернетовского «бестселлера» А.С. Александрова². При этом дирижер сайта в духе рекламного хода модерировал: «Дискуссия «процессуалисты против криминалистов» расширяется. Присоединяйтесь!»³.

Никогда еще не возникало такой провокационной темы для профессионального разговора. Помнится, например, была полемика между процессуалистами и криминалистами о правомерности и целесообразности проверки показаний на месте⁴. Тогда был чистый, серьезный взгляд на поставленную конкретную проблему. Без примеси маркетинговой игривости. Но модератор знает толк и «форумничает»: «Известный крымский криминалист М. Михайлов статью нашего нижегородского коллеги точно обозначил как «крик души».

О какой душе идет речь? Смертельно усталый норвежец, когда услышал «бесконечный крик, пронзающий природу», и написал полотно «Крик», то сразу видно: художник вобрал в свою душу все боли человечества. А.С. Александров – не сумасшедший Мунк. Однако, быть может, наш «возмутитель спокойствия» относится к категории тех фанатов-постмодернистов, которым новизна, пусть абсурдная, лишенная гармонии, нужна как воздух. Такие люди уверены, что еще один рывок – и там, за поворотом, откроется нечто такое, чего наш дряхлый мир еще не знал. А вот узнает – и содрогнется... Да, есть некий фанатизм, но не настолько. Здесь – тайна. Но пока тайна не раскрыта, звучат предложения о необходимости проведения специальной всероссийской криминалистической конференции. Предлагается обсуждать пытливым «взгляд на науку криминалистику человека со стороны». Уже обсуждаем. Так, с трибуны международной конференции по случаю 60-летия кафедры криминалистики МГУ (Москва, 18-19 октября 2010 г.) то и дело высказывалась озабоченность «криминалистическими грехами», на которые прозорливо указал нижегородский процессуалист. Чего уж тут брюзжать и высказывать недовольство: «Следует отметить, что профессор А.С. Александров не намекнул криминалистам направление поиска предмета криминалистики»⁵.

Прозвучали, правда, трезвые голоса, которые требуют от «острого пера» публичных извинений за бестактность и голословность⁶. Но безжалостная интернет-машина уже набрала обороты. Публика в комментариях скабрешничает (цитируется «как есть»): «Эх, помню, только поступил, значит, «учиться на йуриста», как в издательстве Юрист вышел трехтомный Курс криминалистики проф. Белкина. Купил, интересно же. Вот, думаю, почитаю. Ничего для меня интересного в нем не оказалось. Читать это совершенно невозможно, а м.б. даже и не нужно (самим практическим криминалистом). Ничего не понятно, на первый взгляд написана какая-то очевидная банальная хрень» (Nestoliy V.G.). Другой умник задаётся вопросом: это что за криминалистика, в которой «груз фундаментальности является отягощением, мешающим движению вперед» (Grishin).

Для начала А.С. Александров сделал тайну из причин, по которым криминалисты включили в предмет своей науки ряд объективных закономерностей, которые следует выявлять и изучать? Обвинитель притворился, что ему неизвестно, через какое острое противоборство точек зрения нужно пройти, прежде чем целостно осмыслить и сформулировать предмет любой науки⁷. Р.С. Белкин в своё время пояснил: «Можно ли в определении предмета криминалистики не упоминать о закономерностях объективной действительности? Думается, на этот вопрос следует ответить отрицательно»⁸. Вскоре сформировалась парадигма, согласно которой «криминалистика – это наука, изучающая четыре типа закономерностей: 1) функционирования преступной деятельности (закономерности механизма преступления); 2) слепообразования (закономерности места образования следов, формы и вида отображения, относимость и ценность следов); 3) установления следов (закономерности поиска, обнаружения, фиксации и изъятия); 4) использования «следовой информации» для формирования системы доказательств по уголовному делу (закономерности преобразования следов в доказательства и тактика их представления в досудебном производстве и в суде)»⁹.

Будем милосердны, А.С. Александров этого не знал. Он же не имеет ни одной публикации по криминалистике. Но разве процессуалист не знал, что чуть позже и наука уголовного процесса в своем предмете также заявила об изучаемых закономерностях¹⁰. Тогда в чем тайна обвинения? В том, что напрасно в авторефератах об этом упоминают? Так нужно же различать предмет и результат изучения. Если наш критик весьма разочарован в результатах познания закономерностей, то здесь нужна конкретика, относящаяся к рубрике «положения, выносимые на защиту». К слову, о конкретных результатах «нижегородской кабинетной криминалистики» последних лет:

1. На теоретическом уровне (кстати, по А.С. Александрову – это «банальность»):

1) раскрыто содержание исходного уровня исследования проблемы формирования криминалистических средств обеспечения экономической безопасности;

2) произведена классификация (типология) криминалистических средств моделирования преступной деятельности в сфере экономики и криминалистических средств расследования этого вида преступлений;

3) разработан и апробирован научно-практический подход к исследованию механизма преступной деятельности в сфере экономики;

4) сформирована новая модель структуры общей (базовой) методики расследования преступлений в сфере экономики;

5) создана новая модель частной методики расследования преступлений в сфере экономики;

6) обоснованы методологические положения относительно цели доказывания в методике расследования видов и групп преступлений в сфере экономики.

2. На уровне прикладном (в рамках диссертационных исследований за последние 10 лет) сформированы новые методики расследования преступлений, связанных с:

- осуществлением кредитных операций (А.И. Леднев, 2000);
- приватизацией государственной и муниципальной собственности (И.В. Шатров, 2000);
- легализацией (отмыванием) преступных доходов (С.К. Крепышева, 2001);
- таможенной деятельностью (О.А. Берзинь, 2002);
- контрабандой (И.О. Жук, 2002);
- компьютерной информацией (С.В. Крыгин, 2002);
- криминальными пожарами (С.И. Соболевская, 2003);
- вымогательством (С.В. Ледащев, 2004);
- незаконным предпринимательством (Ю.В. Шляпников, 2004);
- криминальными банкротствами (Д.А. Муратов, 2004);

- криминальными взаимозачетами между хозяйствующими субъектами (Н.Н. Рябов, 2004);
- незаконным получением банковского кредита (Н.Р. Герасимова, 2005),
- невозвращением валюты из-за границы (С.А. Пироженов, 2005);
- хищениями в сельскохозяйственных предприятиях (А.И. Гайдин, 2006);
- лжепредпринимательством (П.А. Котельников, 2008);
- торговлей людьми (А.М. Пигаев, 2009);
- рейдерством (А.В. Матюшкина, 2009);
- в сфере потребительского рынка нефтепродуктов (О.И. Долгачева, 2010).

Ведутся разработки в целях формирования новых методик расследования преступлений в сфере ЖКХ и реализации национальных проектов.

3. Специально для практиков подготовлены и изданы (в открытой печати):

Журавлев С.Ю. Об организации и тактике документирования мошеннической деятельности, связанной с созданием «финансовых пирамид»: Методические рекомендации. – Н. Новгород: НА МВД России, 2004;

Журавлев С.Ю. Расследование преступных банкротств: Практическое пособие для следователей / С.Ю. Журавлев, Е.А. Бондарь, Д.А. Муратов. – Н. Новгород: НА МВД России, 2004;

Лубин А.Ф. Тактика выявления и методика расследования преступлений, связанных с незаконным предпринимательством: Методические рекомендации. – Н. Новгород: НА МВД России, 2006;

Лубин А.Ф. Выявление и расследование преступлений, связанных с невозвращением из-за границы средств в иностранной валюте (предусмотренных ст. 193 УК РФ): Методические рекомендации. - Н. Новгород: НА МВД РФ, 2007;

Лубин А.Ф. Расследование незаконного получение кредита: Методические рекомендации. - Н. Новгород: НА МВД РФ, 2007;

Журавлев С.Ю. Методика расследования преступлений, связанных с противоправными посягательствами на денежные средства, выделяемые на

финансирование национальных проектов: Методические рекомендации. – Н. Новгород: НА МВД РФ, 2009;

Журавлев С.Ю. Особенности выявления преступлений административных правонарушений в сфере игорного бизнеса: Методические рекомендации. – Н. Новгород: НА МВД РФ, 2009.

По вполне понятным причинам кафедра криминалистики Нижегородской академии МВД России лишена возможности проводить научные исследования по экспертной тематике. Пожалуй, исключениями являются две диссертации: «Теория и практика использования звуковых следов в расследовании преступлений» (О.Н. Кравчук, 2001); «Криминалистические средства и методы исследования структуры системы почерковых движений человека» (С.Л. Зорин, 2008).

В 2008 г. кафедра криминалистики, вопреки «недоумению и недовольству» сурового «соседа», признана лучшей в Нижегородской академии МВД России по научно-исследовательской работе.

Нижегородец обозначил цель своего выступления: «зародить разумные сомнения в умах криминалистов». Получилось. Зародил обоснованные сомнения в том, что не следует в целом александровское обвинение брать за чистую монету. Это обвинение или беспощадно бессмысленно (читай – глупость), или беспощадным образом осмысленно (понимай как цинизм)? Здесь, однако, редкий случай: где «бабушка надвое сказала», есть и третий вариант. Для этого варианта требуется герменевтика – «учение об истолковании текстов, первоначальный смысл которых затемнён»¹¹.

«Великий и ужасный» нижегородский прокуратор не то, чтобы совсем не владеет криминалистической материей, не то, чтобы срамно издевается над «коллегами-криминалистами», он – давний и ярый приверженец англосаксонской модели уголовного процесса. «То, что вошло в область чувства, уже не может быть уничтожено рассуждением»¹². Зигмунд Фрейд, соглашаясь с Густавом Ле Боном, цитирует его: «За мотивами наших поступков, в которых мы признаемся, несомненно, существуют тайные причины, в которых мы не

признаемся, а за ними есть еще более тайные, которых мы даже и не знаем. Большинство наших повседневных поступков есть лишь воздействие скрытых, незамечаемых нами мотивов»¹³.

Известно, что после революции 1688 года английский уголовный процесс развился в «едва ли не самый высший и совершеннейший». Далее Рудольф Гнайст пишет про англичанина и английское государство в тех же восторженных тонах и ярких красках, что и Н. Гартунг о Греции и Риме времен суда преторов¹⁴. В материковой Европе распространилось твердое мнение, что нет спасения от юридических недостатков, пока ее народы не усвоят себе учреждений английских. Так появился, например, немецкий уголовный процесс английского образца¹⁵. С тех пор и в России зародились многочисленные приверженцы англо-саксонской модели уголовного процесса. Как писал Л.Е. Владимиров: «При открытии новых судов (судов присяжных английского типа – А.Л.) многие плакали от радости, все же в восторге поздравляли друг друга. Был действительно светлый праздник, и великое будущее открывалось перед нашими восторженными глазами»¹⁶.

Наш критик давно презирает «возню» многих отечественных процессуалистов, которую они почему-то называют «реформой». Был же его призыв: «Следует деконструировать основания уголовно-процессуальной науки, подвергнуть испытанию на слом юридические конструкции...В области методологии забыть о «методологии». Прежде всего, речь идет о преследующей, подобно проклятию, отечественную теорию права – советскую методологию диалектического материализма... Отбросить бредни о ...праве как мере свободы... Мы пришли в этот мир не изменять его, а комментировать текст»¹⁷. «Интеллектуальным источником деконструкции являются комплекс философских течений в виде постструктурализма, неофрейдизма, семиологии, феноменологии»¹⁸.

Тайна диковатой манеры изобличения в грехах смежной науки кроется в необходимости демонстрации «боевого, импортного» варианта уголовного процесса. Приметами действия «тайных пружин» английского импорта служит

формулировка судопроизводства в исполнении А.С. Александрова: «Уголовное судопроизводство и его основная часть собственно судоговорение – это речевое событие, совершающееся по законам речи, а также по конвенционально установленным нормам, придающим ему игровой характер. Объективные (они же — лингвистические) опоры судебной истины базируются на общих основах, юридических топах, выраженных в легальных и фактических презумпциях. Все мыслимые на основе здравого рассудка смысловые варианты истины (лжи) в диапазоне от вероятного до невероятного определяются языком. Чтобы быть истинным или ложным, надо находиться в мыслимом пространстве. Немыслимое не может быть постигнуто судебной речью. Здравый рассудок, совесть ведут судью по пути истины к тому смыслу, который выработан по жанровым схемам, т.е. к узнаванию «знакомого» сюжета. В этом и состоит эффект правдоподобия»¹⁹.

Понятны ли английский дискурс и концепт? Цитируем дальше: «Релятивизм и прагматизм составляют отличительные признаки познавательной установки, избираемой в рамках судебной лингвистики. Постмодернизм есть общая мировоззренческая основа для судебной лингвистики. Методологический анархизм (по Фейерабенду) в познании явлений судебного и юридического дискурсов – «anything goes», в том числе методы структурной лингвистики, структурализма, постструктурализма, семиологии, психоанализа и пр.»²⁰.

Тайна происхождения «грехов» российской криминалистики уже не тайна. А.С. Александров публично начал кроить по англо-саксонским лекалам не только российский уголовный процесс, но и отечественную криминалистику. Фрейд оказался посильнее постмодернистского концепта. Становится ясным, чей заказ выполняет А.С. Александров, играя «втемную» на понижении роли «нижегородской» или иной криминалистики, а также призывая криминалистов «к черновой, полевой работе – техническому обслуживанию уголовного процесса»? Только одна его «фрейдовская проговорка» чего стоит: «Криминалистам надо понять то, что теория не их

удел». Господи, не все весело, что смешно. Ставка делается на «профанное большинство», которое не знает про упорство и достижения российских криминалистов-техников. Например, Российский федеральный центр судебной экспертизы, начиная с 1965 г., ежегодно издает «Указатель литературы по судебной экспертизе», издается федеральный научно-практический журнал «Эксперт-криминалист» и т.д. Достижения – неоспоримы. Только за счет самого современного аналитического и инструментального оснащения лабораторий и полицейских служб можно говорить о достижениях криминалистики в США²¹.

«Классическим образцом бессистемных моделей криминалистики является современная криминалистика США. Она произошла от системы полицейской науки, представляющей собой конгломерат сведений из уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и правил профессиональной деятельности полицейского... Вопросы общей теории, методологии, системы, предмета науки американских криминалистов не интересуют»²². Неужели в США, если следовать логике А.С. Александрова, «криминалистика с ее естественно-научным пафосом получения точного знания и нацеленностью на познание объективных закономерностей произвела дегуманизацию теории доказательств»?

Нужно отметить, что и западные криминалисты (R. S. Charles, C. C. Neil, T. Leonard – авторы фундаментальной работы «Criminal Investigation», изданной во многих странах мира; P.L. Kirk, книга которого «Crime Investigation» с 1974 по 1985 годы выдержала несколько изданий; С.Альбрехт, Дж. Венц, Т. Уильямс, чей бестселлер уже дважды переиздавался в России; Бу Свенссон, Ж. Марсилли, Р. Минна, Ж.-М. Шарле, Г. Й. Шнайдер и др.) стали понимать нужду в переосмыслении методологических подходов не только в изучении «полицейской технологии», но и «технологии» преступной деятельности. В редакционной статье немецкого журнала «Kriminalistik» (1990, № 12) сложившаяся познавательная ситуация самокритично оценивалась как

кризисная, поскольку научные исследования преступной деятельности основываются на «поверхностных представлениях» и «вульгарных подходах».

А.С. Александров, независимо от того, осознает ли он это (снова «проговорка»?), спекулирует на реальных проблемах оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования и судебной практики. По данным Института проблем правоприменения, который входит в состав Европейского университета в Санкт-Петербурге, каждый момент передачи материалов – от оперуполномоченных к следователю, от следователя прокурору, от прокурора в суд – характерен резким уменьшением объема доказательств. Из тех материалов, которые передали оперативные работники, у следователя остается только 40-60% (в зависимости от статьи УК РФ). И 20-30% из оставшихся дел разваливается уже в суде²³.

Коррупция. Политическое лоббирование. Родственные, национально-региональные клановые связи, административные ресурсы. Все эти факторы российской действительности делают криминалистические (и процессуальные!) средства орудиями повседневного торга, провокаций, шантажа и противодействия доказыванию в целом. Вопрос: чьи это «смертные грехи»? Надо очень постараться, чтобы перепутать гвоздь с подушкой – задачи науки с показателями практической деятельности правоохранительных органов.

Александровский «крик души» – естественное эхо состоявшейся (происходящей?) реформы уголовного судопроизводства. Одним показалось – «перелет», другим – «недолет». К примеру, по А.С. Александрову УПК РФ не дотянул даже до континентального образчика. Досада! Ведь писал же: «Современная судебная реформа априори исходила из предположения, что стадии предварительного расследования быть. Между тем, истинность этой посылки далеко не бесспорна... При невозможности реформирования предварительного расследования – его полная ликвидация и организация вместо него полицейского дознания...»²⁴. Вот еще «последний писк»: «Мы исходим из того, что сторона обвинения не должна быть ограничена не только сроками, но и связана не только другими формальными ограничениями на

получение доказательств (так в оригинале! – А.Л.) и установление фактов в обоснование перед судом уголовного иска. Стадия возбуждения уголовного дела должна быть ликвидирована»²⁵.

В принципе совершено предательство по отношению к своему национальному достоянию – отечественному уголовному процессу, который прошел долгий и трудный путь эволюционного развития. Одновременно все открылось: каков александровский процесс, такова и должна быть криминалистика по Александрову. В сущности, он же грозит «схлопыванием» криминалистики как научной дисциплины. Российская криминалистика должна быть на западный манер – полицейской дисциплиной. Тем более, что закон о полиции уже принят...

Известно, что романо-каноническая идеология уголовного процесса сформировалась под влиянием иезуитской доктрины, французского и испанского просветительства. Английское доказательственное право восприняло совсем иные, античные традиции. Н. Гартунг писал: «Гражданин римский поэтому не знал отдельной, независимой от него карательной власти, его произвол ограничивался только произволом других соучастников верховной власти, других сограждан, его ответственность начиналась только тогда, когда являлся обвинитель с такими же правами, и тогда начинался между обвинителем и обвиняемым настоящий бой в законных формах, с равным оружием. Решателем этого боя был суд, равно опасный для обоих противников»²⁶. Суд греческий и римский по своему существу был третейский: стороны обращались с просьбой к претору решить правовой спор. Государство было зрителем. Поэтому установка криминалистам на будущее: не нужно удивляться или возмущаться, если с Александровской стороны вновь раздастся «крик души». Будем знать, что новая тайна происхождения анафемы – в античном искомом производстве, в котором криминалистика должна выполнять «черновую работу», если не окажется совсем безработной. Быть может и тогда удар окажется мимо цели, но намерение автора не может промахнуться. Как отмечал Ф. Ницше: «Он «хочет» туда, поскольку он туда

должен»²⁷. Ничего личного. Полная рецепция. В таких случаях говорят: «Привет от дедушки Фрейда»!

Примечания

1. Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики. См.: <http://www.iaaj.net/node/342>

2. Драпкин Л.А. Совсем несмертные грехи профессора А.С. Александрова: http://community.livejournal.com/uro_masp/26335.html См. также: Каминский М. К., Каминский А. М. О «грехах» криминалистики и о непорочной деве в лице науки уголовного процесса: <http://www.iaaj.net/node/371>

3. <http://www.iaaj.net/node/360>

4. Александров Г.Н., Строгович М.С. Неправильная практика // Социалистическая законность. 1960. – № 3. – С. 19 – 21; Белкин Р.С. Проверка и уточнение показаний на месте. – М., 1961. – С. 23; Быховский И. Е., Ратинов А. Р. Проверка показаний на месте // Вопросы криминалистики. – М., 1962. – Вып. 5. – С. 186 – 193; Соя-Серко Л. А. Проверка показаний на месте. – М., 1966. – С. 15; Степичев С. С. К вопросу о проверке показаний на месте // Материалы межвузовской научной конференции 6-9 марта 1962 г. – Харьков, 1962. – С. 68–5; и др.

5. Исютин-Федотков Д.В. Смертельны ли грехи современной криминалистики / <http://www.iaaj.net/node/511>

6. Филиппов А.Г. О статье проф. А.С. Александрова «Семь смертных грехов современной криминалистики» // Вестник криминалистики. № 3 (35). – С. 63–66 // <http://www.iaaj.net/node/588>

7. См. об этом: Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. – С. 32; Мамчур Е.А. Применима ли концепция возможных миров к миру научного познания? // Науковедение. 1999. – № 2. – С. 128.

8. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики: Монография. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1986. – С. 31.

9. См., например: Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: Учебник / Под ред. проф. В.Д. Грабовского, доц. А.Ф. Лубина. – Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1995. – С. 3; Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник / Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб., и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 16; и др.

10. Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учебное пособие. – М.: Юристъ, 1998. – С. 29.

11. <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Герменевтика/>

12. Густав Ле Бон. Психология социализма. Пер. с франц. 5-го изд. – СПб., 1908. – С. 5.

13. Фрейд З. Массовая психология. Психолог цитирует французского социолога Густава Ле Бона – автора книг «Законы эволюции народов» и «Психологии толпы».

14. Gneist R. Das heutige Englische werfassung und Verwaltungsrecht. – Berlin, 1857. – S. 23–61.

15. Об этом свидетельствует краткая и решительная рекомендация Рютимана – уполномоченного от Цюрихского кантона – всем немецким юристам «изучать в Англии ход тамошних уголовных дел» – *Über die englische Strafrechtspflege*. – Zurich, 1837. – S. 15.

16. Владимиров В.Е. Учение об уголовных доказательствах. Предисловие к третьему изданию. – Тула: «Автограф», 2000.– С. 3.

17. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. – С. 10.

18. Александров А.С. Что такое «судебная лингвистика» и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса // Школы и направления уголовного-процессуальной науки: Доклады и сообщения на учредительной конференции Международной ассоциации содействия правосудию. Санкт-Петербург, 5-6 октября 2005 г. / Под ред. А.В. Смирнова. – СПб., 2005. Режим доступа: <http://www.iuaj.net/lib/konf-MASP/aleksandrov.htm>

19. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного процесса // Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. — М.: Юрайт-Издат, 2003. — С. 15. Кстати говоря, в этом учебнике неоднократно использовался термин «закономерности» как относительно уголовно-процессуального права, так и принципов уголовного процесса (с. 17, 47, 74).

20. Учебная программа по спецкурсу «Доказательства и доказывание» / Автор - сост. А.С. Александров. — Н. Новгород: НА МВД России, 1999. — С. 7.

21. См. об этом: Гусаков А.Н. Криминалистика США. — Екатеринбург, 1993.

22. Колдин В.Я. Введение // Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. В.Я. Колдина. — М.: Зерцало-М, 2007. — С. 16–17.

23. <http://www.uhhan.com/cgi-sys/suspendedpage.cgi>

24. Александров А.С., Круглов И.В. Необходимость и сущность коренной реформы досудебного производства // Уголовно-процессуальная деятельность. Теория. Методология. Практика: Сб. науч. статей / Под ред. А.Ф. Лубина. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. — С. 40.

25. Александров А.С. , Кухта А.А. Решение проблем оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального стимулирования оперативно-розыскной деятельности: Сборник статей / Под ред. М.П. Полякова. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. — С. 17.

26. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, германии и России. — СПб., 1868. — С. 16-17.

27. Ницше Ф. Сочинения в 2 т.: Пер с нем.; Сост., ред. и автор примеч. К.А. Свасьян. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1.— С. 687.